К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ РУСОФОБИИ

Аннотация

В статье рассматривается феномен русофобии с точки зрения ряда теоретических подходов, сложившихся в политологии, теории международных отношений, социологии и психологии. Анализируются объяснительные возможности политического реализма, концепции «друг — враг», теории секьюритизации, психологических концепций, постколониальных исследований и теории внешнеполитических стереотипов. Междисциплинарный анализ позволяет раскрыть механизмы формирования, воспроизводства и трансформации негативных представлений о России, а также показать зависимость их содержания от исторического контекста и политических целей контрагентов России.

Ключевые слова: русофобия, образ России, международные отношения, политический реализм, секьюритизация, социология, ориентализм.

Автор

Яковлев Степан Сергеевич

Аспирант кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

С тех пор как с легкой руки великого поэта и блестящего дипломата Ф.И. Тютчева в России начали обсуждать русофобию [9, с. 15], исследователи спорят о ее природе, выдвигают гипотезы о ее зарождении, пытаются дать ей оптимальное определение, отражающее всю многогранность и комплексность этого явления. При этом само существование и живучесть «нетерпимости к России и всему русскому» не получается свести к одной причине или даже одной логике объяснения; анализ ее требует обращения к различным теоретическим подходам, что продиктовано тем, что «живет» русофобия не исключительно в мире политического, но также и в социологии, психологии, культурологии — следы ее видны практически в каждой сфере гуманитарного знания.

В рамках данной статьи нами предлагается последовательное рассмотрение русофобии сквозь призму теоретических подходов из различных гуманитарных наук (политический реализм из теории международных отношений, концепция «друг — враг» из социологии, ряд психологических концепций, постколониальные исследования, конструктивистская теория стереотипизации) с целью показать, какие аспекты данного феномена позволяет выявить каждый из них. Некоторые из них выглядят в контексте исследований, посвященных русофобии, достаточно привычно, другие же, на первый взгляд, к анализу этого явления неприменимы, что не мешает им, тем не менее, проливать свет на природу ее отдельных характерных черт.

Играя, среди прочего, существенную роль в мировой политике, оказывая непосредственное влияние на положение России в ней, русофобия однозначно должна рассматриваться в контексте теории международных отношений. Так, для ее изучения интересным представляется обращение к политическому реализму, остающемуся во многом

актуальным и спустя почти сто лет после выхода ключевых работ его первых «больших» теоретиков. Напомним, что один из «отцов» этого направления мысли Ганс Моргентау постулировал «неизбежное несоответствие» внешней политики моральному императиву [1, с. 77], ведь единственной целью государства на международной арене является реализация национальных интересов, а соблюдение моральных принципов с этой целью часто идет вразрез. Таким образом, во внешней политике «все средства хороши»: любые (и откровенно несправедливые по отношению к контрагенту в том числе) действия могут быть оправданы тем, что они ведут к достижению поставленных целей.

При рассмотрении под подобным углом русофобия — лишь одно из этих «средств», удобный, условно говоря, инструмент для сдерживания и ослабления одной из великих держав ее конкурентами. Если в политическом дискурсе формируется идеологическая конструкция, которая способна в той или иной мере легитимизировать давление на значимого участника международных отношений, коим Россия является на протяжении сотен лет (ее материальные силы, как писал Тютчев, инстинктивно вызывают у Запада «благоговейный страх» [14, с. 37]), возникает высокая вероятность использования этой идеологемы контрагентами страны-объекта данного предубеждения. Проще это происходит в тех странах, где существует традиция русофобии и где негативное отношение к российскому народу и государственности поколение за поколением воспроизводилось в риторике политиков и публицистике лидеров общественного мнения; в таких государствах «русофобия становится основой внешнеполитической стратегии и внутриполитической пропаганды» [3, с. 231]. В подобных условиях игнорирование интересов России и попытки ее изолировать могут обосновываться не только актуальными противоречиями, но и устойчивыми негативными представлениями о «варварстве» российского общества или «угрозой», которую Россия представляет для соседей или Запада [17, с. 168]. При этом настоящей мотивацией, стоящей за антироссийской политикой контрагентов России, является, согласно канонам *realpolitik*, желание ослабить и сдержать одну из великих держав в условиях анархичных международных отношений, где безопасность является «игрой с нулевой суммой» [5, с. 78] (выгодное одному обязательно приводит к издержкам у другого), и русофобия в таком случае выступает не первопричиной противостояния, а инструментом его идеологического обоснования [11, с. 161].

Кроме того, феномен постоянного «нагнетания страха» вокруг внешней угрозы, роль которой столь часто для Запада играет Россия, хорошо вписывается в концепцию секьюритизации видного теоретика международных отношений, представителя Копенгагенской школы Барри Бузана: государствам свойственно «трансформировать» политические вопросы разной степени политической существенности в «вопросы безопасности» первостепенной важности, решение которых требует чрезвычайных мер [16., с. 25], что используется для оправдания различных проявлений русофобии сегодня.

Существенное значение для анализа природы русофобии имеют исследования немецкого социолога Карла Шмитта, посвященные тому, что он называл «политическим», в основе которого, как он считал, лежит обязательное противопоставление «друга» и «врага». По мнению Шмитта, сама политическая сфера жизни возникает исключительно там, где индивид или группа людей проводит разграничение между собой и «врагом», вступая в противостояние [8, с. 256]. Данный подход частично созвучен идеям Георга Зиммеля, также рассматривавшего дихотомию «своих»

и «чужих» как ключевой механизм социальной консолидации [7, с. 73]. Применительно к изучению русофобии концепция Шмитта позволяет объяснить, как образ внешнего противника, противопоставляемого собственной политической общности, становится фактором формирования коллективной идентичности (Запада, например). На протяжении столетий Россия в западной общественно-политической мысли описывалась через категории «варварства» и «инаковости» [15, с. 38], что и поспособствовало проведению символической границы между «своими» и «чужими» в европейском политическом сознании.

Особое место в трудах Шмитта занимает категория экзистенциального врага, под которым понимается противник, конфликт с которым не обусловлен ситуативными разногласиями, а «проистекает из принципиальной несхожести бытия между двумя врагами» [6, с. 4]. Использование такой логики прослеживается как в период формирования «санитарного кордона» после Парижской мирной конференции 1919–1920 годов, так и в постсоветский период, когда в западном политическом дискурсе Россия нередко характеризуется как экзистенциальный враг Европы и, прежде всего, государств Восточной Европы. Тем самым современные политические практики во многом воспроизводят исторически сложившиеся модели негативной репрезентации России и ее населения. С указанной проблематикой сопряжено и понятие «политического Другого», играющее важную роль в процессах формирования национальной идентичности. Если образ такого «Другого» закрепляется за Россией, антироссийские настроения становятся устойчивой составляющей национального политического дискурса, даже если это не декларируется на официальном уровне (одним из наиболее показательных примеров вышесказанного может служить Польша [12, с. 45]).

Антироссийские настроения стоит анализировать и с точки зрения психологии, учитывая их опору на коллективные страхи и предрассудки. В этой связи предлагаем обратиться к концепции коллективного бессознательного, разработанной швейцарским психологом Карлом Густавом Юнгом. Согласно Юнгу, «каждый этнос, народ, нация имеют свое коллективное бессознательное, определяющее все их социальное бытие, включая власть, государство, политику и право» [4, с. 311]. Применив данный подход к анализу русофобии, можно предположить, что наиболее устойчивые из антироссийских нарративов («варварство» русских и Россия как «угроза с Востока») начинают функционировать не только как результат индивидуального политического выбора, но и как часть более широких культурных установок, которые способны воздействовать на восприятие действительности независимо от личного опыта человека; таким образом, стереотипы «выживают» даже при отсутствии непосредственного взаимодействия с их объектом (в данном случае речь о России и русских). Сам Юнг отмечал, что разум есть только «сумма близорукости и предрассудков людей» [4, с. 314], и именно этим объясняется своеобразное «укоренение» русофобии в коллективном бессознательном некоторых народов. Воспроизводясь из поколения в поколение (иногда незаметно для самих европейцев или американцев), антироссийские нарративы постепенно адаптируются к изменяющимся историческим условиям, и влияние их на общество сохраняется и тогда, когда первоначальные причины их возникновения утратили актуальность.

Дополнительные объяснительные возможности предоставляет «психология масс» Гюстава Лебона. Исследуя особенности поведения человека в толпе, Лебон пришел к выводу о наступлении «эры масс», где «в силу снижения уровня интеллекта, ответственности,

самостоятельности, логичности рассуждения <…> массой людей правит бессознательное» [2, с. 41]. В эпоху, когда «дух группы» оказывается важнее, чем «дух отдельного человека» (иногда полностью заменяя последний), устойчивые стереотипы и эмоционально окрашенные образы, включая политические и русофобские в частности, получают благоприятную среду для распространения и закрепления.

Неожиданно полезной при анализе русофобии становится обращение к, казалось бы, нерелевантным в этом контексте постколониальным исследованиям, в частности к представленной в труде Эдварда Саида «Ориентализм» концепции экзотизированного Востока, согласно которой «западные исследователи изучают не презентации, а репрезентации восточной культуры и истории», а воспринимается любая информация об объекте экзотизации «через призму сложившихся на западе имперских представлений» [10, с. 181]. Несмотря на то, что Россия не относится к классическим объектам ориенталистского дискурса, отдельные положения Саида позволяют объяснить механизмы формирования и воспроизводства русофобии, ведь на протяжении длительного времени Россия репрезентировалась в западной общественно-политической мысли как цивилизационно «иная», «азиатская» или «варварская» страна, и воспринимается она поэтому на основе уже сложившегося образа, а не объективной информации.

Характер репрезентации России на Западе интересен любопытной двойственностью; в различные исторические периоды России могли последовательно (а иногда и одновременно) приписываться черты зависимого, отсталого и даже нуждающегося во внешнем управлении государства (то есть она примеряла образ «колонии») либо, напротив, агрессивной империалистической державы, стремящейся к экспансии и подчинению других народов (то есть образ «колонизатора»). Так, после окончания Первой мировой войны отношение западных держав к России напоминало восприятие политически несамостоятельного пространства, опасного для соседей, парадоксальным образом не из-за своей силы, а своей «слабости» (как потенциальный источник нестабильности), а потому нуждающегося в интервенции. В то же время в последние десятилетия действия Москвы, связанные с защитой русскоязычного населения за рубежом или оказанием поддержки союзникам, как, например, в случае Сирии, нередко интерпретируются на Западе через категорию «российского империализма».

Объяснение подобной противоречивости можно обнаружить в исследованиях, посвященных феномену стереотипов в международных отношениях. Американские исследователи Майкл Фишеркеллер и Ричард Херрманн рассматривают внешнеполитические стереотипы как особые образы (images), складывающиеся на основе представлений о мотивах поведения другого государства, степени его могущества и характере принятия политических решений в нем [13, с. 92]. Принципиально важно, что в основе этих образов лежат не объективные характеристики страны-объекта стереотипизации, а их интерпретация государством-субъектом; в зависимости от того, как последний воспринимает контрагента, он присваивает ему один из пяти образов — «союзника», «врага», «вырожденца» (degenerate), «колонии» или «империалиста»/«колонизатора» [18, с. 426]. На разных этапах исторического развития России приписывался каждый из вышеперечисленных образов (про Россию как колонию и колонизатора мы писали выше), четыре из которых являются, как ясно из их названий, негативными. В годы холодной войны на Западе доминировало представление о ней как о могущественном и опасном «враге»; сегодня же в западной публи-

цистике со стереотипом об «угрозе, которую несет Россия для Европы» соседствуют нарративы, характерные для образа «вырожденца» (культурная отсталость, неэффективность политической системы и стремление демонстрировать силу, якобы не соответствующую реальным возможностям государства). Таким образом, ведущий стереотип о России на Западе меняется одновременно с изменением наиболее выгодной стратегии поведения относительно российской государственности.

Каждый из рассмотренных подходов раскрывает отдельный аспект русофобии. Политический реализм позволяет «разглядеть» в русофобии инструмент легитимации внешнеполитических целей и стратегий сдерживания; концепция «друг — враг» объясняет процесс формирования образа противника как элемента коллективной идентичности; психологические теории обращают внимание на роль устойчивых представлений и эмоциональных установок; постколониальные исследования и теория стереотипизации позволяют проанализировать механизмы репрезентации России в западном политическом и культурном пространстве. Русофобия функционирует при этом не как неизменное и однородное явление, а как динамическая конструкция, содержание которой меняется в зависимости от исторического контекста и политических задач. Образы России как «угрозы», «отсталого государства» или любого прочего типа политического «Другого» могут сменять друг друга, однако сам механизм противопоставления сохраняет устойчивость.

Изучение русофобии требует комплексного междисциплинарного подхода, поскольку воспроизводство ее нарративов происходит одновременно на нескольких уровнях (политическом, социальном, культурном и психологическом). Только анализ совокупности этих факторов позволяет раскрыть причины долговечности негативных представлений о России и понять, почему формировавшиеся на протяжении столетий стереотипы столь живучи и продолжают влиять на современные международные отношения.

Литература

1. *Антанович Н.А., Достанко Е.А.* Ганс Моргентау: реалистическая теория международной политики // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2000. — № 1. — С. 76–81.
2. *Архипова К.А.* «Психология народов и масс» Г. Лебона как настольная книга современного журналиста // Медиасреда. — 2012. — № 7. — С. 41–43.
3. *Гуторов В.А., Ширинянц А.А.* «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. — 2023. — № 1. — С. 231–237.
4. *Жуков В.Н.* К.Г. Юнг: коллективное бессознательное, архетипы, культура // Образование и право. — 2022. — № 3. — С. 311–325.
5. *Игнаткин О.Б.* Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2013. — № 21 (122). — С. 74–82.
6. *Комаров М.В.* «Враг», «чужак» и «субъект»: к возможности субъектно ориентированного расширения концепции «политического» К. Шмитта // Философская мысль. — 2024. — № 8. — С. 1–7.
7. *Королев С.П.* Карл Шмитт и Георг Зиммель в перспективе теории международных отношений и международного права // Журнал политических исследований. — 2024. — Т. 8. — № 2. — С. 69–78.
8. *Курбанова З.М.* Политическое противостояние без морали: теоретическое наследие Карла Шмитта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 1–3 (88). — С. 256–258.

9. *Мырикова А.В., Ширинянц А.А.* «Внутренняя» русофобия и «польский вопрос» в России XIX века // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2015. — Т. 8. — № 1. — С. 15–27.
10. *Нугманова Г.Г.* Ориентализм в социокультурном пространстве Российской Империи: читая Эдварда В. Саида // Научный Татарстан. — 2009. — № 2. — С. 180–185.
11. *Сорокопудова О.Е., Ширинянц А.А.* «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. — 2022. — № 4. — С. 1–14.
12. *Тимофеев И.Н.* Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2008. — 288 с.
13. *Шестопал Е.Б.* «Они» и «Мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами // Общественные науки и современность. — 2021. — № 2. — С. 90–102.
14. *Ширинянц А.А.* «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX в. // Вестник Российской нации. — 2014. — № 2 (34). — С. 35–47.
15. *Ширинянц А.А.* Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. — 2024. — № 2. — С. 36–50.
16. *Buzan B., Waever O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.
17. *Gutorov V.A., Myrikova A.V., Shirinyants A.A.* Russophobia concept in modern political discourse // Political expertise: POLITEX. — 2023. — Vol. 19. — No. 2. — P. 166–177.
18. *Herrmann R.K., Fischerkeller M.P.* Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War // International Organization. — 1995. — Vol. 49. — № 3. — P. 415–450.